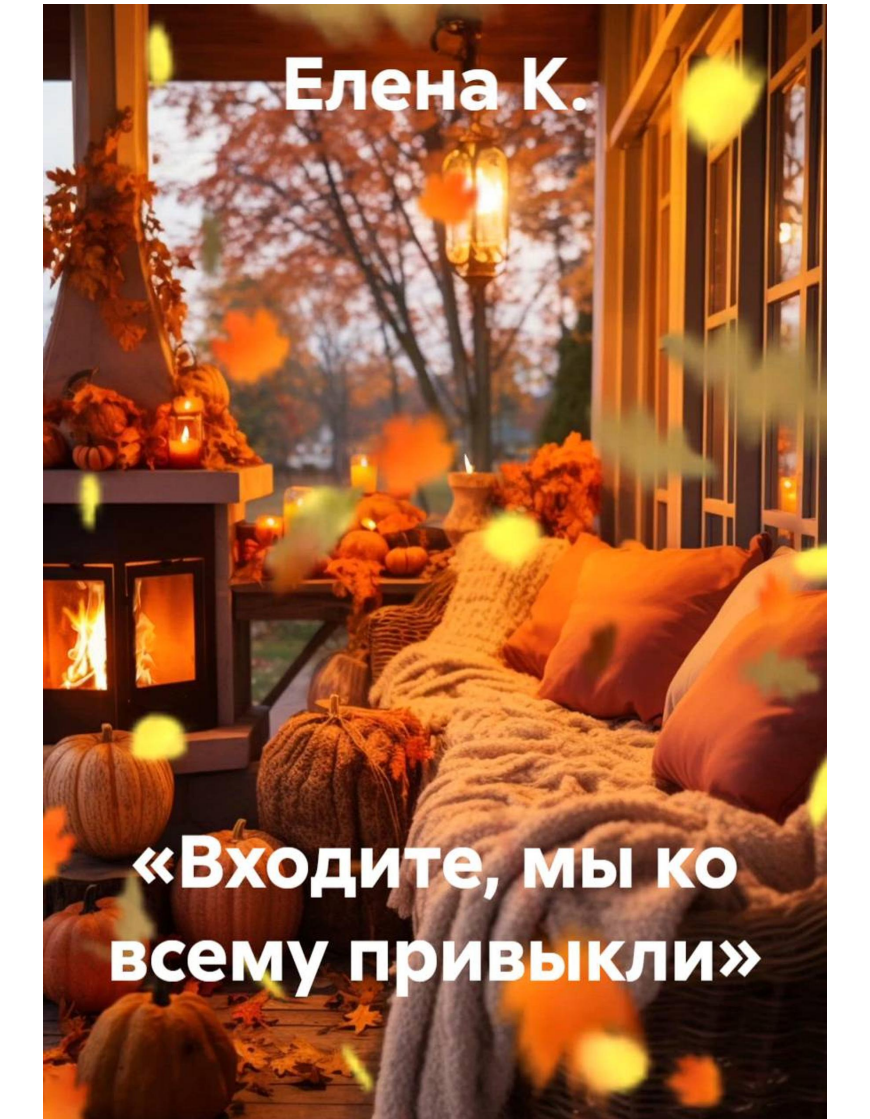

A warm, autumn-themed outdoor lounge area. On the left, a black metal fireplace with a fire burning inside sits on a wooden deck. To its right is a long, low wicker sofa covered with a thick, light-colored knitted blanket and several large, soft pillows in shades of orange and red. The area is decorated with numerous pumpkins of various sizes and types of autumn leaves scattered on the deck and hanging from the railing. A hanging lantern with a warm glow is positioned above the sofa. In the background, trees with colorful autumn foliage are visible through a glass railing. The overall atmosphere is cozy and inviting.

Елена К.

**«Входите, мы ко
всему привыкли»**

Елена К.

**«Входите, мы ко
всему привыкли»**

<https://litres.ru/74414602>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где от нас вечно ждут подвигов, иногда самое смелое, что можно сделать, — это признать: «Я сегодня просто выжил». И в этом вам поможет коллекция «Тихая опора» от клуба «Входите, мы ко всему привыкли!».

В комплект входят термос «Надежда и кофе» (чтобы тепло было не только снаружи, но и внутри), папка «Дни, которые были» (для мелочей, которые почему-то важны: билетиков, записок, фантиков — всего, что пахнет вашими днями), носки с узором из маленьких значков (на случай, если день будет про кофе, автобус и очередь, но всё равно окажется настоящим) и кружка с надписью: «Я пью чай и не жду от себя подвигов. Сегодня хватит просто того, что я тут».

Это не вещи для идеальных людей — это вещи для настоящих. Для тех, кто знает, что иногда достаточно просто завернуться в плед, налить чаю, погладить Барсика и выдохнуть: «Я справился. Хоть немного».

Упаковано с заботой и фольгой (потому что фольга держит всё — даже надежду).

Содержание

Все Главы	5
Конец ознакомительного фрагмента.	23

«Входите, мы ко всему привыкли»

Все Главы

Дверь приоткрылась ровно на три сантиметра — так, чтобы в щель можно было просунуть только нос. И нос этот явно сомневался: а стоит ли?

— Мы ко всему привыкли! — громко, с театральной уверенностью выкрикнули изнутри. С таким видом, будто за спиной не уютная гостиная с пледом и котом, а секретная лаборатория по спасению мира.

Нос дрогнул и исчез. Дверь захлопнулась.

Через минуту раздался робкий стук.

— Входите! — снова крикнули в квартире, на этот раз чуть менее уверенно. Кот Барсик лениво приоткрыл один глаз и подумал: «Опять эти люди со своими драмами. Хоть бы рыбу принесли».

Дверь распахнулась. На пороге стоял человек в костюме... из фольги. Блестящий, шуршащий и слегка помятый, будто его только что достали из подарочной коробки, которую долго передавали из рук в руки.

— Я тут... это... от метеоритов защищаться учусь, — тихо сказал он, стараясь не смотреть никому в глаза.

В комнате повисла пауза. Барсик зевнул.

— Ага, — кивнул хозяин квартиры, будто каждый день встречал гостей в фольге. — Проходите. У нас тут как раз чайник закипает. И, кстати, в углу стоит запасной рулон — если вдруг понадобится ещё что-то завернуть.

Фольговый гость замер.

— Вы... не будете смеяться?

Хозяйка, которая до этого пряталась за занавеской, вышла вперёд с самым серьёзным лицом, на какое была способна:

— Смеяться? Да что вы! У нас в прошлом месяце приходил сосед с дрессированной улиткой. Она делала вид, что играет на скрипке. Мы аплодировали. Так что... входите, мы правда ко всему привыкли.

Гость осторожно шагнул внутрь. Фольга зашуршала, как осенний лес.

— А можно... чаю? И, может, кусочек фольги отрезать? У меня рукав отклеился.

— Конечно, — улыбнулась хозяйка. — И знаете, если вдруг решите открыть клуб любителей фольги — мы первые в очереди на членство.

Барсик тихо фыркнул, будто хотел сказать: «Ну вот, опять новые люди. Надеюсь, хоть у этого есть колбаса».

И в этой квартире, где привыкли ко всему, стало ещё чуть-чуть уютнее — потому что теперь тут был человек, который защищался от метеоритов. И это казалось самой нормальной вещью на свете.

Чай заварили в кружке с надписью «Я выживу даже в апокалипсис» — и это, как выяснилось, было не просто шуткой, а жизненным кредо хозяев. Гость в фольге осторожно взял кружку двумя пальцами, будто она могла внезапно превратиться в инопланетный артефакт.

— Вы не думайте, — заговорил хозяин, усаживаясь на край дивана так, чтобы не потревожить Барсика, который уже решил, что фольга — это новый вид кошачьей игрушки, и теперь задумчиво тыкал в неё лапой, — у нас тут не цирк. Просто жизнь такая... немного с выкрутасами.

Гость кивнул, но в глазах всё ещё читалось сомнение: а вдруг сейчас начнётся: «Ну ладно, хватит, снимай эту штуку, мы пошутили». Но никто не шутил.

— А знаете, что самое странное было в этом месяце? — задумчиво произнесла хозяйка, помешивая ложечкой невидимый сахар. — К нам почтальон пришёл и спросил, не видели ли мы летающую тарелку. Причём спросил так серьёзно, будто это стандартный вопрос вроде «Где подъезд номер три?».

Фольговый гость чуть не поперхнулся чаем.

— И что вы сказали?

— Сказали, что видели, но она улетела в сторону пекарни. Там, мол, булочки вкуснее. Он записал. Ушёл. Мы до сих пор не знаем, поверил или нет.

Барсик тем временем стянул маленький кусочек фольги и теперь катал его по полу, издавая звук, похожий на шёпот

космического ветра.

— Это он так играет, — пояснил хозяин с видом эксперта. — У него целая коллекция странных вещей: резинка от старых трусов, крышечка от йогурта, которую он считает короной, и теперь вот — фольга. Если у вас ещё что-то есть, он будет благодарен.

Гость тихо рассмеялся — впервые за весь вечер. Звук получился немного шуршащим, как будто смех тоже был обёрнут в фольгу.

— У меня в кармане ещё скрепка. Из неё можно сделать антенну.

Хозяйка тут же оживилась:

— О! Антенну — это хорошо. Вдруг она ловит сигналы от тех, кто нас не замечает. Или наоборот: делает так, чтобы нас замечали. Мы пока не разобрались.

Они сидели и болтали о пустяках, которые вдруг становились важными: о том, как правильно шуршать фольгой, чтобы отпугнуть злых духов (оказывается, есть специальная техника — надо делать это ритмично, как метроном), о том, что чай вкуснее, если пить его из кружки с дурацкой надписью, и о том, что самые странные люди часто оказываются самыми надёжными.

А потом гость вдруг сказал, почти шёпотом:

— Спасибо. Я думал, меня сейчас выставят за дверь. Или вызовут кого-то в белых халатах.

Хозяин только пожал плечами:

— Да ладно. У нас правило простое: если человек пришёл с добром и не пытается украсть Барсика — значит, свой. А фольга... ну, это просто стиль.

Хозяйка встала, подошла к шкафу и достала оттуда шарф. Не обычный, а связанный из разноцветных лоскутков, каждый из которых, по её словам, хранил какую-то историю: вот этот — от поездки на море, этот — от вечера, когда они с хозяином впервые вместе варили суп и сожгли кастрюлю, а этот — просто потому, что цвет был такой, будто в нём спрятан кусочек радуги.

— Держите, — она протянула шарф гостю. — Накиньте поверх фольги. Будет теплее. И... чуть менее космически. Хотя, если честно, мне нравится и так.

Гость накинул шарф, и в этот момент фольга перестала быть броней. Она стала частью чего-то большего — частью вечера, где можно быть странным и при этом не бояться, что тебя не поймут.

Барсик, решив, что миссия выполнена, запрыгнул на колени к гостю и громко замурчал — так, будто говорил: «Всё, ты теперь тоже тут живёшь. Привыкай».

И гость улыбнулся. По-настоящему, без оглядки.

— Знаете, — сказал он, — я, пожалуй, останусь ещё ненадолго. Если вы не против.

— Конечно, не против, — кивнули хозяева одновременно, как будто всю жизнь ждали именно этого гостя.

В прихожей тихо тикали часы, за окном шелестел дождь,

а в этой маленькой квартире, где привыкли ко всему, становилось всё уютнее — потому что теперь тут было на одного человека больше. И пусть он был в фольге. В этом даже был свой шарм.

Дождь за окном набирал обороты — будто кто-то там, наверху, решил, что городу явно не хватает драмы, и выкрутил ручку на максимум. Капли барабанили по подоконнику, как нетерпеливые зрители, которым не терпится узнать, что будет дальше.

Барсик, устроившись на коленях у гостя, вдруг замер, навострил уши и уставился в угол, где мирно стояла напольная лампа.

— Что там? — тихо спросил гость, боясь спугнуть момент.

Хозяин проследил за взглядом кота и пожал плечами:

— А, это. Это Тимофей.

Гость моргнул.

— Тимофей... лампа?

— Ну, не совсем лампа, — задумчиво пояснила хозяйка, наливая ещё чаю. — Это Тимофей, который живёт в лампе. По крайней мере, Барсик так считает. И мы стараемся его не разубеждать. В конце концов, если в доме есть кто-то, кто видит невидимое, пусть это будет кот. Ему виднее.

Гость осторожно поправил шарф и покосился на лампу. Тимофей (он же лампа) светил спокойно, без претензий, будто и правда был в курсе всех домашних тайн.

— А ещё у нас есть шкаф, который иногда шепчет, — небрежно добавил хозяин, будто речь шла о погоде. — Не слова, конечно, а так... звуки. Будто кто-то внутри перебирает старые письма. Мы думаем, это из-за сквозняка. Но Барсик уверен, что это дух бабушкиного вязания.

Фольговый гость вдруг почувствовал, как напряжение, которое столько дней сжимало его плечи, потихоньку отпускает. Здесь не надо было объяснять, почему ты в фольге. Здесь фольга была просто ещё одной деталью в общей картине странностей — вроде шепчущего шкафа или кота, который дружит с лампой.

— Знаете, — сказал он, поглаживая Барсика, отчего тот замурчал так громко, что заглушил даже стук дождя, — я ведь не просто так эту фольгу надел. Я думал, если буду выгладеть как что-то непонятное, то и относиться ко мне будут как к чему-то непонятному. Ну, знаете... не замечать. А тут...

Он запнулся, подбирая слова.

— А тут вы не только заметили, — тихо закончила хозяйка. — Вы ещё и чаю налили. И шарф дали. Это редкость.

Гость кивнул. Ему вдруг захотелось рассказать всё: и про то, как он боялся выходить из дома, потому что казалось, что все на него смотрят и всё про него понимают, и про то, как фольга стала его щитом, и даже про то, что на самом деле он просто очень любит блестящие вещи — с детства.

И он рассказал. Не торопясь, сбиваясь, иногда замолкал,

чтобы отпить чаю, а хозяева кивали, не перебивали, только иногда вставляли что-то вроде: «Ага, понимаю», «У нас однажды сосед три дня ходил в резиновых сапогах по квартире — говорил, что так лучше думается», или «Фольга — это красиво, если правильно носить».

Когда рассказ закончился, в комнате повисла не неловкая тишина, а та самая уютная, когда слова уже не нужны. Барсик перекатился на бок и заснул, свернувшись в блестящий клубок — фольга и шерсть смешались в причудливый узор.

А потом хозяйка вдруг вскочила, будто её осенило:

— Слушайте, а давайте сделаем клуб!

Гость и хозяин посмотрели на неё с одинаковым выражением лица: «Опять?»

— Ну да! — она сияла, как будто только что придумала способ спасти мир. — Клуб тех, кто привык ко всему. Будем собираться, пить чай из кружек с дурацкими надписями, слушать, как шепчет шкаф, и принимать всех, кто пришёл хоть в фольге, хоть в пижаме, хоть вообще ни в чём, главное — с добрым сердцем.

Гость улыбнулся. Впервые за долгое время улыбка получилась лёгкой, без усилий.

— А девиз у клуба какой будет?

Хозяйка на секунду задумалась, а потом торжественно произнесла:

— «Входите, мы ко всему привыкли!»

— И ещё: «Но чай мы наливаем только тем, кто не оби-

жает котов», — добавил хозяин, покосившись на Барсика, который даже во сне умудрялся выглядеть строгим.

Гость посмотрел на свою фольгу, потом на шарф из лоскутков, потом на этих двоих, которые так спокойно принимали весь этот абсурд — и его собственный абсурд в том числе.

— Я... я хочу быть в этом клубе, — сказал он просто.

— Добро пожаловать, — кивнули хозяева одновременно.

Дождь за окном потихоньку стихал, будто понял, что тут и без него достаточно драмы и чудес. А в маленькой квартире, где привыкли ко всему, стало ещё чуточку светлее — не от лампы Тимофея, а от того, что теперь тут было на одного человека больше. И этот человек наконец-то мог снять часть своей брони, потому что здесь его не собирались судить.

Барсик во сне дёрнул ухом, будто одобрял. И, возможно, он действительно одобрял. Ведь коты знают толк в тех, кому можно доверять.

Первое заседание клуба «Входите, мы ко всему привыкли!» назначили на субботу. Хозяева даже достали из кладовки старую коробку с карточками, на которых когда-то вели учёт забытых вещей: «зонт чёрный — 3 шт.», «варежка одна — левая», «ключ непонятный — возможно, от счастья». Теперь эти карточки решили использовать как членские билеты.

— Главное правило, — объявила хозяйка, торжественно вписывая имя гостя (его звали Артём) в самую красивую

карточку, где по краю шёл узор из крошечных чайников, — никаких правил, кроме одного: если кому-то хочется побыть в тишине — мы сидим тихо. Если хочется рассказать про летающую тарелку — слушаем, как будто это самая важная новость века.

Артём поправил шарф — фольгу он пока не снял, но теперь она лежала на спинке стула, как почётный плащ.

— А если кто-то придёт и скажет, что он — космический посол? — спросил он осторожно.

Хозяин, который как раз доставал из шкафа тарелки с отбитыми краями (по его словам, у таких тарелок «характер»), хмыкнул:

— Скажем: «Очень приятно, рады сотрудничеству. Бутерброд будете?» В конце концов, если человек пришёл не драться и не ломать Тимофея — значит, он свой.

Барсик, услышав своё негласное одобрение, величественно прошествовал мимо и уронил на пол катушку ниток — видимо, в знак того, что тоже участвует в создании клуба.

В субботу пришли первые «кандидаты». Сначала соседка снизу, тётя Зина, которая принесла банку варенья и сказала, что оно «с секретом»: в каждую ягоду она мысленно вкладывала по одному хорошему пожеланию. Потом заглянул почтальон — тот самый, что спрашивал про летающую тарелку. На этот раз он принёс не письмо, а маленький бумажный самолётик и смущённо пояснил:

— Это не по работе. Просто летел и думал: вдруг кому-то

нужно послание без адреса.

Хозяйка взяла самолётик, бережно расправила крылья и поставила его рядом с Тимофеем, будто это была драгоценная статуэтка.

— Принимаем, — кивнула она. — Вы теперь тоже член клуба. Только... вы не против, если мы будем звать вас «Посланец»? Звучит гордо.

Почтальон покраснел, но улыбнулся.

А потом дверь снова приоткрылась, и на пороге появилась девочка лет десяти с огромным рюкзаком, из которого торчали концы удочки, хвост плюшевого дракона и что-то подозрительно похожее на телескоп.

— Я слышала, у вас тут клуб тех, кто ко всему привык, — выпалила она, не дожидаясь приглашения. — Можно я буду приходить? Я умею молчать, когда надо. И ещё я знаю три способа сделать компас из ложки и магнита.

Хозяева переглянулись.

— А звать тебя как?

— Мира. И я ищу место, где не надо объяснять, почему у меня в рюкзаке столько всего.

Артём, который до этого стоял чуть в стороне, вдруг шагнул вперёд:

— У меня в фольге тоже не было никакого великого смысла. Просто мне казалось, что так меня никто не заметит. А тут заметили. И ничего страшного не случилось.

Мира посмотрела на него, потом на хозяев, потом на Бар-

сика, который уже пытался стащить с её рюкзака хвост дракона.

— Тогда я остаюсь, — решительно сказала она.

И клуб стал расти. Не по плану, не по списку, а как растёт что-то живое — незаметно, но уверенно. Кто-то приходил с историей, кто-то — с тишиной, кто-то приносил варенье, кто-то — бумажные самолётики, а кто-то просто стоял у порога, не решаясь войти, пока из квартиры не раздавалось:

— Входите, мы ко всему привыкли!

Однажды вечером, когда дождь снова барабанил по окнам, а Тимофей светил особенно мягко, Артём наконец аккуратно сложил фольгу и убрал её в коробку, где уже лежали членский билет, пуговица, которую Барсик притащил «на удачу», и записка от Миры: «Если грустно — посмотри на хвост дракона. Он всегда улыбается».

— Стало легче, — тихо сказал он хозяевам.

Хозяйка кивнула:

— Когда знаешь, что тебя не выгонят за то, что ты странный, — странность перестаёт быть тяжёлой. Она становится просто частью тебя. Как веснушки. Или любовь к блестящему.

Хозяин поставил на стол поднос с чаем и кружками, на которых теперь красовались новые надписи: «Я — член клуба тех, кто ко всему привык», «Я пришёл с добром», «Я принёс историю».

— Знаете, что самое хорошее в нашем клубе? — спросила

Мира, наливая себе чай и глядя, как в кружке отражается свет Тимофея. — Тут никто не говорит: «Да ладно, забудь». Тут говорят: «Расскажи ещё».

Барсик запрыгнул на подоконник, посмотрел на мокрый город, будто оценивал его на пригодность для новых приключений, и мякнул — коротко, но очень выразительно.

И все в комнате улыбнулись, потому что поняли: этот мяук был тостом за их маленький, шумный, уютный клуб, где каждому находилось место. Даже если ты пришёл в фольге. Даже если у тебя в рюкзаке телескоп и дракон. Даже если тебе просто нужно, чтобы кто-то сказал: «Входи. Мы тут. И мы правда ко всему привыкли».

Со временем у клуба появились свои маленькие традиции. Например, каждое собрание начиналось с «ритуала вещей»: каждый приносил что-то странное и рассказывал одну историю про эту вещь — хоть самую короткую, хоть в сто страниц. Тётя Зина принесла пуговицу, которую нашла на скамейке в парке: «Я её подняла, когда думала, что жизнь кончилась. А потом оказалось — просто день такой был. Но пуговица осталась. Как напоминание: иногда самое маленькое может удержать тебя на плаву».

Артём принёс свою фольгу — теперь уже не как броню, а как экспонат.

— Это моя первая версия себя в этом клубе, — сказал он, аккуратно расправив блестящий лист на столе. — Теперь я знаю: быть заметным — не значит быть неудобным.

Мира вытащила из рюкзака старый компас, который не показывал север, зато, по её словам, «отлично показывал, где интересно».

— Если стрелка дёргается — значит, рядом что-то необычное. Я проверяла: в этой квартире она крутится почти всегда.

Барсик, услышав это, гордо выгнул спину, будто именно он и был тем самым «необычным».

А Посланец (почтальон, которого теперь все так звали) принёс конверт без адреса, но с пятном от чая на уголке.

— Я его три дня носил с собой и не отправлял. Просто потому, что он мне нравился. Как будто в нём уже была чья-то история, даже если никто её не написал.

Хозяйка бережно положила конверт рядом с бумажным самолётиком. Теперь на полке у Тимофея росла целая коллекция «вещей с характером».

Однажды в клуб пришёл человек, который вообще ничего не принёс. Он стоял в дверях, теребил край куртки и тихо сказал:

— У меня нет ничего странного. Я самый обычный.

Хозяева переглянулись, а потом хозяйка улыбнулась:

— Входите, мы ко всему привыкли. А «обычность» у нас тоже считается редкостью. Тут все немножко странные, так что вы будете как раз тем, кто держит равновесие.

Он вошёл, сел на краешек стула, а Барсик тут же запрыгнул к нему на колени — будто хотел сказать: «Не переживай.

Тут можно просто быть».

И правда, в этом клубе не нужно было стараться быть интереснее, чем ты есть. Можно было молчать, можно было рассказывать про летающие тарелки, можно было приносить пуговицу или фольгу, можно было приходить просто потому, что на улице шёл дождь, а дома было одиноко.

Как-то вечером, когда все уже разошлись, а в квартире стало тихо, Артём сказал хозяевам:

— Знаете, я раньше думал, что «быть своим» — это когда ты такой же, как все. А тут понял: «быть своим» — это когда тебя принимают таким, какой ты есть. Даже если ты в фольге. Даже если твой компас не знает, где север.

Хозяин кивнул и поставил чайник:

— Мы тут вообще не про «одинаковость». Мы про то, что у каждого есть своя маленькая вселенная. И если её не высмеивать, а просто сказать: «О, интересно, расскажи ещё», — она начинает светиться.

Хозяйка добавила, глядя, как Тимофей мягко освещает комнату:

— И ещё мы про то, что одиночество — это когда тебе нечего рассказать, а тебя не готовы слушать. А у нас всегда готовы. Даже если рассказ будет про то, как ты целый день смотрел на облака и думал, на что они похожи.

Артём улыбнулся. Ему вдруг захотелось придумать для клуба что-то своё. И на следующем собрании он пришёл с коробкой, в которой лежали маленькие блестящие квадрати-

ки — новая фольга, но уже не для защиты, а для радости.

— Давайте сделаем гирлянды, — предложил он. — Чтобы в комнате было больше света. Не электрического, а такого... от того, что мы тут все вместе.

И они сделали. Гирлянды получились немного кривыми, зато очень яркими. Они повесили их над дверью, над полкой с «вещами с характером», над местом, где любил сидеть Барсик.

Когда тётя Зина увидела эти гирлянды, она сказала:

— Вот теперь точно видно: тут живут люди, которые не боятся быть заметными.

А Мира добавила:

— И не боятся, что их заметят. Это ведь совсем разные вещи.

С тех пор, если кто-то подходил к двери и сомневался, стоит ли входить, из квартиры доносилось:

— Входите, мы ко всему привыкли! И у нас тут как раз гирлянда горит — значит, точно рады.

И люди входили. Кто-то с историей, кто-то с тишиной, кто-то просто с надеждой, что сегодня его поймут. И их понимали. Потому что в клубе «Входите, мы ко всему привыкли!» главным правилом было не «быть странным», а «быть добрым». А странность... ну, она просто делала всё чуточку интереснее.

Даже Барсик, глядя на эту суету, иногда вздыхал, но тут же снова начинал гонять по полу катушку ниток — потому что

и ему нравилось, что в доме всегда есть кто-то, с кем можно просто посидеть. И пусть этот кто-то пришёл в фольге, с телескопом или с конвертом без адреса. Главное, что он пришёл не с обидой, а с желанием быть частью чего-то тёплого.

И в этом маленьком клубе, где привыкли ко всему, продолжали наливать чай, слушать истории, вешать гирлянды и говорить самое главное:

— Ты тут свой. Входи. Мы рады.

И вот настал день, когда клуб «Входите, мы ко всему привыкли!» решил выйти на новый уровень — и запустить мерч. Потому что если у тебя есть клуб, где принимают даже тех, кто пришёл с телескопом и драконом, то без мерча ты как кот без коробки: вроде милый, но чего-то не хватает.

— Мы должны заявить о себе, — торжественно объявила хозяйка, размахивая блокнотом, на обложке которого было написано: «Идеи, которые могут не сработать, но попробовать надо».

— А что будем продавать? — спросил Артём, осторожно поглядывая на фольгу, которая теперь висела в рамке как арт-объект с подписью: «Первая версия брони. Не трогать — это экспонат».

— Всё! — воскликнула хозяйка. — Футболки, кружки, значки, носки... и, возможно, мини-версии Тимофея!

Хозяин задумчиво почесал подбородок:

— Слушай, а мини-Тимофей — это лампа размером с на-

пёрсток? Боюсь, в ней даже спичку не зажжёшь.

— Зато она будет символизировать: «Даже маленький свет — это свет!» — не сдавалась хозяйка.

Мира, которая как раз пыталась научить Барсика позировать для каталога (Барсик был категорически против и демонстративно отворачивался), подняла голову:

— А давайте ещё продавать «набор новичка»: фольга (мини-рулон), компас, который не знает, где север, и пакетик чая с надписью «Для тех, кому нужно пять минут тишины».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.